

КАЗАЦКАЯ БЫЛЬ

И.ГЛЕМБА
А.ПРОХОРЕНКО

МИТРОХИНЫ УНИВЕРСИТЕТЫ

Казацкая быль

Андрей Прохоренко

Митрохины университеты

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Митрохины университеты / А. Прохоренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Казацкая быль)

ISBN 978-1-38-788244-1

Украина. 1596 год. После шести лет обучения у казацких батек пришло время молодому парубку Митрохе покинуть Сечь, чтобы на мир посмотреть и себя проявить в мирном труде, научиться житейской мудрости и вернуться на Запорожье обогащенным жизненным опытом, повзрослевшим, окрепшим и не с пустыми руками. Вдали от Сечи Митрохе не единожды приходится отстаивать себя, проявляя ум, смекалку, навыки рукопашного боя, пуская иногда в дело и саблю, чтобы найти свое место в жизни, утвердиться в правильности казацкой науки и выполнить задание казацких батек.

ISBN 978-1-38-788244-1

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Смышленный парубок	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иван Глемба, Андрей Прохоренко

Митрохины университеты

Предисловие

Авторы представляют читателям историю испытания, которое в молодые годы проходил один из казацких батек Митрофан Чередник, записанную для потомков со слов Митрофана Василием Галайдой под конец своей многотрудной жизни.

Повесть «Митрохины университеты» о том, как необходимо было проявить себя в обычной жизни молодому парубку, окрепнуть, сообразить, что к чему и найти себя, столкнувшись с реальной жизнью, и, несмотря ни на что, еще больше убедиться в правоте извечных истин, а вернувшись на Сечь, продолжить обучение искусству гопака. Для этого Митроха после обучения азам казацкой науки в возрасте девятнадцати лет отправляется в мир, в котором ему необходимо далеко за пределами Сечи выполнить задание учителя и названного отца казака-характерника Левка Байзаблуда, о сути которого ему самому необходимо догадаться.

Митроха, столкнувшись с особенностями жизни различных групп населения: и кузнецов, и шляхтичей, и корчмарей, работая кузнецом, вышибалой в корчме, убеждается в правильности выбранного им пути, обогащает и совершенствует искусство гопака. Пройдя жизненные университеты вдали от Сечи, заработав денег, почувствовав, что пора возвращаться, Митроха, проявив инициативу, приводит на Сечь новых друзей, «собрав» их по белу свету.

Повествуя о детстве и юности Митрохи, рассказывая о казацкой доле, о сметливом и подвижном парубке Митрохе, Василь Галайда приоткрывает мир, который существовал в Украине всего каких-нибудь четыреста лет тому назад, в конце шестнадцатого столетия. С казацким юмором рассказывает Василь о корчмарях, об особенностях жизни шляхты, об отношении к питию горилки некоторых из них и не только об этом.

Встретились семилетний Митроха и его названный отец, казак Левко, в 1584 году в поселении Бередици, которое было даже не поселением, а состояло из нескольких домов, в одном из которых проживала семья Митрохи. Степь да степь кругом. Рядом течет неспешно Славута-Днепр. Тянется невидимая нить казацкой доли, чтобы в один прекрасный момент не оборваться, а явить миру парубка и казака – Митрофана Череду.

Смышленный парубок

Эту историю рассказал мне, Василию Галайде, казацкий батька Митрофан Чередник по прозвищу Черета. Впрочем, прозвищ у Митрофана было много. Успел казак по свету постранствовать и погулять, да так, что было о чем в преклонные годы вспомнить. С Черетой мы были почти одного возраста. Он был младше меня только лишь на семь лет, а когда тебе уже почти девяносто, то какие-то семь лет разницы вообще не сказываются. Может кому-то показаться, а что еще двум дедам делать, как не сидеть где-нибудь в тенечке и байки травить. Оно-то так, но только с одной стороны, с другой – сказки да побасенки сказывать промежду делом – тоже уметь надобно, хыст (талант) к этому делу иметь... Черета такой хыст сполна имел. Долго иной раз я смеялся, его слушая, хоть за свою длинную жизнь твердо усвоил одно простое правило: что бы тебе ни говорили, а воспринимать сказанное надо спокойно и с силой. Только не всегда так получалось, особенно, когда Черета что-то из своей жизни вспоминал.

Это я к чему веду. Что Черета, что я характерниками были, а это, потомки, даже не название такое отличительное, а образ жизни и особый склад ума, разума и сознания. Кто вам будет рассказывать, что казаки в волков превращались, да еще чем-то подобным занимались, мало что о казацкой науке знает, тем более в ней смыслит. Если у тебя нет острого разума, да смекалки, то все твои потуги – пустой звук даже при наличии учителей, которыми на Сечи выступали казацкие батьки. Не всех они к себе в ученики брали, но такое наше право: видеть, кому, что, как и при каких условиях сказать можно и надобно, а в присутствии кого следует промолчать или сделать вид, что в этих вопросах ты мало что смыслишь. Ведь характерник – во многом актер. За жизнь, хочешь или нет, много ролей приходится играть. Чем длиннее жизнь, тем больше в ней приключений, стало быть, приходится не только казаковать, но и приторговывать, лекарским делом заниматься, многие профессии освоить, плотническое и кузнечное дело.

Жизнь, она такая, хочешь или нет, а наступает время, когда приходится свою гордыню в тряпочку свернуть и за пазуху спрятать или еще куда дальше, или вообще выбросить так, чтобы больше она к тебе не возвращалась...

Так вот, в отличие от меня Черета, его тогда Зайдой звали, не был сыном казака. Родители его селянами были. Их сын с малых лет к тяжелой работе привыкал. Вряд ли Митрофан даже казаком стал бы, не говоря уже о том, чтобы характерником быть, если бы не случай один.

Было хлопцу семь лет, когда через местечко, где он с родителями проживал, казацкий отряд проходил. А в том отряде казак такой был – Левком кликали, а прозвище у Левка было – Байзаблуд. Его все за глаза Байзой так и называли. Этот Байза Митрофана и заприметил. Глаз у Левка был наметанный. Он сразу же сообразил, кто перед ним. Митроха, так его кратко родители называли, ничем таким особенным среди детей не отличался, разве что иногда ни с того ни с сего на месте застывал и мог на небо смотреть или куда-то вдаль на Славуту очень долго глядеть, пока его не заставляли за таким занятием и не прерывали.

Был Митроха четвертым ребенком в семье, рос хлопцем веселым и жизнерадостным, но иногда как будто что-то находило на Митроху, тогда он становился смутным и печальным, все делал медленно, как будто не здесь находился, а где-то далеко. Странность эта, впрочем, быстро проходила, а Митроха вновь становился подвижным и жизнерадостным ребенком. Заводилой он не был, но связываться с ним соседские ребята не решались. Бывало, что Митроха хмурился, закусывал губу и бросался на обидчика с кулаками. И не смущали Митроху габариты обидчика. Мог и на мальчишку старше его наброситься. Боевитый был, но затихал иногда, куда-то прятался так, что несколько раз его родители едва отыскивали. Время тогда было тревожное, что ни год – то татарские наезды. А куда в степи спрячешься, если татары наскочат?

Ответа на этот вопрос не было, кроме того, чтобы где-нибудь за стенами укрыться. А где же такие стены взять? Надо до Черкасс идти, да далече это.

Если же в Черкасы идти, то и жить там надобно. А раз так, то налоги, поборы и сборы платить необходимо. В степи же – сам себе хозяин. Правда, пока татары не наскочат. Вот иной раз с казаками и договаривались селяне о том, чтобы те их прикрыли да защитили. А за это кое-что им давали от урожая. Защита, конечно, не на все случаи жизни, но лучше что-то, чем ничего. В местечко, возле которого Митроха проживал, а было селение расположено на левой стороне Днепра, на зиму казаки приходили, чтобы ее пережить, отоспаться, а с весной на Сечь идти. Вниз по Днепру, если на чайке после ледохода до места добираться, то можно было через пару дней и Сечь увидеть на Томаковке.

Левко же, как увидел Митроху, сразу понял, что не простой он парень. С родителями его переговорил, да договорился о том, что зиму будет в Бередицах коротать с помощниками. Мог Левко и в Чигирине остановиться, но решил посмотреть на Митроху, поговорить с ним и поближе познакомиться. После того, как перезимовали, Левко к Тимофею Кадзубе, отцу Митрохи, подошел и прямо сказал, что хотел бы взять его сына с собой на Сечь в один из лагерей. Тимофей вначале ни в какую не соглашался, говорил, что Митроха еще малец, надо, чтобы время прошло. Левко не настаивал, сказал только, что казацкой науке с семи лет предметно начинают учить. Да Тимофею невдомек то было. Не хотел он, чтобы его сын казаком стал. Желал Тимофей, чтобы сын по его стопам пошел и стал землю пахать.

Прошел год. Ближе к осени, когда лист начал желтеть и опадать, а буйны ветры, холода да дожди все чаще приходили на смену уходящему лету, вернулся Левко с четырьмя товарищами на зимовку. Остановились они в одной из хат в Бередицах, где проживали Горьпа Степановна и муж ее Федор Терентьевич, его еще Бередаем кликали. Сами дед и бабка жили, а хата у них просторная была. Места всем хватало. Вот в хате этой Левко с товарищами и останавливался, да не просто так, платили казаки за постой, работой разной занимались. Умельцы были на все руки. Горьпа и Федор гостям были рады. Их сыновья по свету разошлись, а дочери давным-давно замуж вышли, а родителей не так и часто навещали, поскольку жили далеко от них. Так что Левка и его друзей дед и бабка, как родных встречали.

Левко характерником был, не зря в Бередицы наведывался, все учеников себе искал. Решил он Митроху кое-чему его научить, пока зима, да работы нет. Понятливым и сообразительным учеником оказался Митроха. Талант у него был к обучению, да только не все так гладко выходило, как сказка сказывается. Иной раз что-то на Митроху находило такое, что он тени какие-то видел перед собой, то на него глаза смотрели, то он слова самые разные слышал, то пугали Митроху невиданные ранее образы. Малец, он и есть малец. Родителям почему-то стыдился говорить Митроха о видениях, а Левку все, как есть, выкладывал. Левко многое ему пояснил, в том числе и то, почему не надо приведений и образов бояться. Митроха учителя своего внимательно слушал и принимал его слова к сведению.

Так три года подряд Левко наведывался на зиму в Бередицы, а потом пропал. Два года его не было. Исполнилось Митрохе двенадцать лет, как вдруг объявился Левко. Только не стал Левко вновь зимовать, а сразу же к родителям Митрохи пошел. Так, мол, и так сказал, если не отпустите со мной сына, беда может случиться. Тимофей снова отказался сына отпускать на Сечь, сказал, что сын ему самому нужен. Левко, подумав, ответил Тимофею следующее: «Приходит время, когда дети должны сами выбрать свой путь. Для Митрофана это время наступило. Не калечь ребенка. Опустит со мной на Сечь. Мне Митрофан вместо сына будет. Когда ему шестнадцать лет исполнится, он предстанет перед тобой. Тогда он сам решит, какой дорогой ему идти. Вы же уходите из здешних мест. Беда стучится в двери. Мы не сможем вас прикрыть».

Только не послушал Тимофей Левка. Мало ли что казак скажет, подумал Тимофей и не отдал сына казаку и не ушел из селения. А давить на него Левко не хотел, не тех кровей был,

с черной харой (силой) не якшался и другим не советовал дурным и опасным для здоровья делом заниматься.

На следующий год, в начале осени, нагрянули в Бередици татары. Тимофея убили, а детей в плен забрали вместе с женой Тимофея, Светланой. Только Митрофана среди пленников не было. Левко перед тем, как уйти, дал ему амулет и сказал беречь его, как зеницу ока, носить все время на груди и никуда не девать. Как Левко Митрохе сказал, так он и сделал, что жизнь ему и спасло.

В ночь перед набегом татар приснился Митрохе сон, да не простой, а вещий. В том сне мужчина лет пятидесяти, по виду русич, глядя на Митроху, усмехнулся и сказал: «Видишь, черный ворон крыльями небо заслоняет. Беда случится. Тебе, если жить хочешь, спрятаться нужно и затаиться». Больше ничего мужчина не сказал, только лишь усмехался Митрохе, как старому знакомому, как будто знал, кем ему Митроха приходится. Проснулся Митроха и рассказал сон родителям, да только Тимофей сына не послушал. Мало ли чего ребенку привидится. Ближе к вечеру наскочили на Бередици татары. Митроха в это время, как будто чувствовал, что надо укрыться, пошел к речке, что в Славуту впадала, за водой. Пошел, да так и не вернулся. Воды набрал, даже искупался, пока родители не видят. Вода охладила тело, а как выбрался Митроха на берег, амулет первым делом на шею надел, а потом одежду.

Как только он оделся, слышит голос: «Ты в селенье не ходи, если жить хочешь. Укройся где-то». Митрохе два раза не надо было повторять, что делать. Рощица рядом была. В ней Митроха и притаился. Солнце все ниже клонилось. Митроха уже хотел домой идти, а тут шум, крики, даже пару выстрелов раздалось. Понял Митроха, что лучше пока что в лесочке оставаться. Так и сидел в укрытии, пока солнце не закатилось за горизонт, а крики и шум поутихли. Только тогда Митроха, пригибаясь, а кое-где переползая с места на место, как Левко его учил, до поселения и дошел. А как добрался до ивы, которая вблизи поселения росла, так сразу же погром и увидел. Навел кто-то ясырников на поселение, потому и нагрянули они неожиданно. Такое часто в здешних местах бывало. Так что сопротивления ясырникам оказано существенного не было, да и некому особо было им противостоять. Тимофей, правда, отчаянно сопротивлялся так, что в сердцах его кто-то из татар саблей полоснул.

Отец, когда Митроха добрался до дома, лежал в луже крови. Жизнь почти что ушла из него, но к удивлению Митрохи, который при виде отца закрыл лицо руками, Тимофей застоялся. Митроха в отчаянии припал к отцу. Тимофей, глядя на сына, усмехался. Он силился что-то сказать, но не мог. Сын слегка отстранился от отца, но потом, повинаясь какому-то необычному для него чувству, наклонился головой к отцу и услышал едва слышимый шепот: «Левка найди. Казаком стань». После этого предсмертная судорога прошла по телу отца. Голова у Тимофея дернулась и повернулась чуть в сторону, а на лице застыла усмешка. Митроха не знал, что делать. В поселении остались только лишь убитые и раненые. Часть хат спалили, а Горьпа и Федор, у которых Левко с казаками останавливался, также погибли. Митроха, во всяком случае, поначалу так думал, когда увидел деда в луже крови. Знал малец, что есть кладовая в доме у хозяев.

Хату, где он жил, спалили татары, а дом Горьпы и Федора, стоявший чуть в стороне, уцелел. Поразмыслив, Митроха решил в погребе схорониться. Подошел к месту, где был лаз в полу, да потянул за металлическое кольцо, отбросив половик. Доска, закрывавшая лаз, с трудом, но поддавалась. Митрохе пришлось немного повозиться, пока ее в сторону отодвинул. Силенок у тринадцатилетнего парня не так и много было, зато смекалки хватало. Руки Митроха от пыли отряхнул, уже нагнулся, чтобы рассмотреть, что же там внизу, как вдруг услышал шорох и плач. Вначале Митроху страх охватил, но потом парнишка догадался, что в погребе кто-то есть, и этот кто-то также от татар тут прячется. Набравшись храбрости, Митроха в темноту проема и спрашивает: «Кто здесь». А ему в ответ Горьпа и отвечает: «Я с Маричкой, да со Светланой. Сейчас выберемся, если татар нет».

Как тогда Митроха обрадовался, не передать словами. Помог он бабке, как мог, лестницу поднести и наверх подняться. Что ж тут делать, когда ночь на дворе? С раннего утра решили делом заняться, погибших, как могли, похоронить, да только не все так вышло, как рассчитывали. Повезло Митрохе и Горыпе с внучатами. Где-то часа через четыре после восхода солнца к поселению подъехал казацкий разъезд. Казаки, чем могли, тем помогли. Митроха же спросил у казаков, знают ли они Левка Байзаблуда. Такие в отряде нашлись. Один из казаков, некто Семен Дереза, спросил у Митрохи:

– Левко, кем тебе приходится?

Подумал Митроха тогда и ответил:

– Левко – мой друг. Он мне амулет подарил.

Чтобы казаки не подумали, что он обманывает их, Митроха полез под рубаху и вытащил из-под нее амулет. Лучик солнца осветил круг, который образовывали две сабли, а внутри, по центру круга, красовался трезубец, центральным зубом которого был меч.

– Вот, – слегка запинаясь, произнес Митроха. – Я не вру.

Семен переглянулся с товарищами. Почесав затылок, слегка прищурившись, Семен спросил себя и казаков:

– И что теперь делать? Не оставлять же хлопца одного. Куда он пойдет? Осень на носу. У тебя есть, где жить? – спросил Семен и в сердцах махнул рукой. – Сам знаю, что податься некуда.

– Может, на Сечь взять? – предложил Ярофей Сильджуга.

Семен с прищуром взглянул на Ярофея, потом на Митроху. Казаки одобрительно загудели, соглашаясь с таким решением Семена. Решение он уже принял, но для Митрохи сделал вид, что думает. Положив руку на затылок, Семен едва заметно сдвинул шапку вперед и слегка почесал затылок, соображая. Митроха выжидал, что же скажет дядечка. Он сразу усек, что Семен среди казаков главный и от его решения зависит и его, Митрохи, судьба. Поразмыслив, Семен, слегка усмехаясь, спросил:

– А что делать на Сечи будешь?

– Казаком стану, – не моргнув глазом, ответил Митроха. – Так отец захотел, и я к тому склонен, – пояснил мальчонка свое решение и слегка всплакнул, вспомнив лежащего в луже крови отца.

Переглянулись между собой казаки, а Семен и говорит:

– Что ж, возьмем тебя к себе, Левку передадим, раз у тебя его амулет. Только води себя, как подобает джуре (юноша, обучающийся казацкой науке), а не то вернем обратно.

Последние слова Семен сказал для пущей важности, нахмутив брови, но Митроху это не испугало.

– Когда отъезжаем? – деловито осведомился он.

– Завтра с утра и поедem, если за сегодня управимся и мертвых похороним.

Как сказал Семен, так и вышло. Управились казаки с мертвыми, молча постояли над ямой, бога не помянули, только сказали: почивайте с миром. Семен амулет казацкий с шеи снял, да приложил зачем-то к земле на свежевырытой могиле, а потом сделал ладонью противоположной руки над амулетом пару движений, как бы снимая с него энергию. Зачем это было надо, Митроха так тогда и не понял, но точно знал: Семен правильно делает. Он не знал, откуда у него было такое знание, но чувствовал, что так и есть на самом деле.

Никто не плакал и не голосил. Было тихо. Даже свежий ветерок, устав носиться взад-вперед, затих, перестав играть с листвой деревьев, которые, как будто почувствовав момент, перестали еле слышно шуметь. Послеполуденное солнце, словно устав посылать на землю тепло, скрылось за непонятно откуда набежавшей дымкой. Из выживших жителей Бередицы над свежевырытой могилой стояли только лишь Митроха, да Горыпа с двумя внучатами. Также выжил дед Балуба, но его на прощании с мертвыми не было. Балуба, несмотря на возраст, про-

бывал защищаться, но был ранен. Горьпа перевязала его. На ее лице не было слез. Горьпа была сосредоточена, соображая, что же ей дальше делать. Одной на месте оставаться было нельзя. Приближалась зима. Надо было идти на север или на северо-запад. Казаки прекрасно понимали Горьпу, но долго задерживаться на месте не могли, спешили, поскольку выполняли задание. Горьпа отлучиться не могла. Дед Балуба нуждался в заботе. Поэтому после того, как над могилой были сказаны последние слова, Горьпа обратилась к Семену, признав в нем главного.

– Сыночек, ты скажи Левку, если увидишь, чтобы он, если может, к нам наведалься или прислал кого. Деда я не брошу. Выхаживать еще надо. Вижу, что поживет еще.

Семен только лишь вздыхал. С собой Горьпу он взять не мог.

– Сделаю, что смогу, – пообещал казак, упирая взгляд в землю.

– Ба, я Левка встречу и передам ему, чтобы в Бередици приехал.

– Так и сделай, внучок, только не забудь.

– Я вот что подумал, – внезапно откликнулся Семен. – Если кто-то из казаков захочет, может с вами остаться. Двое могут несколько дней с вами побыть. Татары точно не явятся. За ними казаки пропустились, да и делать им уже тут нечего.

– Я и сама справлюсь, – откликнулась Горьпа, – но от помощи не откажусь, если сыночки за труд не сочтут несколько дней со мной и дедом, да внучатами побыть.

– Гнат и Ярko, останетесь пока здесь, – слегка нахмурившись, распорядился Семен.

Он знал, что нарушает приказ, но поступить по-другому не мог. Если через четыре дня никого не будет, знаете, куда ехать...

Оба казака кивнули головами, а длинные казацкие чубы, заложенные за ухо, затрепетали, скользнув вперед.

– Дед твой, – обратился к Горьпе Семен, – на небо пойдет.

– В рай? – спросила Горьпа. – Не очень-то я верю, что там ему хорошо будет. Федор, мужчина сильный и решительный был, на себя надеялся, в бога не верил. Так что нет ему там места. Он все время говорил: только сабля – моя подруга и жена.

– Тебя что ж, не любил? – поинтересовался Семен, вглядываясь в Горьпу, как будто увидел в ней что-то привлекательное для себя.

– Почему не любил? Любил, говорил, что я – его отрада. Я спину ему прикрывала, так и жили: он на земле работал, а я хозяйством занималась. Федор мужчина был ладный, меня не обижал. Всякое было, мог и накричать, но, чтоб руку поднимать, такого не было.

– Завтра с утра отправляемся в путь, – еще раз сам себе сказал Семен.

– Так что ты там по поводу неба говорил? – спросила Горьпа.

– О деде мы с Левком позаботимся, – пообещал Семен. – Большого сказать не могу. Не поймешь.

– А что мне понимать? Вижу, что слово сдержишь. Так воспитан.

– Смерть – только лишь начало новой жизни, не знаю, лучшей ли, – многозначительно молвил Семен.

– Если не знаешь, помолчим тогда, – предложила Горьпа.

Так тот день и закончился. А ранним утром Митроха уже был на казацком коне. Начиналась для него новая жизнь. И жизнь эта была совсем не похожей на ту, к которой за тринадцать лет привык парнишка.

Как-то так сложилось, что Семен сразу же доставил Митроху Левку. Характерник, как показалось Митрохе, даже не удивился тому, что рядом с Семеном, держась чуть сзади него, шел знакомый ему паренек. Мельком взглянув на Митроху, Левко вздохнул, сказал, как бы обращаясь к нему, но вместе с тем и ко всем:

– Вижу, что Тимофей совету моему не внял...

– Тимофей, это кто? – просил Семен.

– Отец хлопца, который с тобой идет.

Семен покосился на Митроху и вздохнул, даже слегка руками развел, показывая, что по-иному поступить не мог.

– Не оставлять же парня на пожарище. Никого не осталось, кроме Горьпы с внучатами. Тимофея убили. Мать Митрохи в плен увели, как и братьев, и сестер. Один остался. Я казаков с Горьпой оставил. Помочь ей бы надобно. Погибнет одна. Деду она в Бередицах помогает. – В расстроенных чувствах Семен махнул рукой. – Нет Бередицей. Одно пожарище. Только дом Горьпы и уцелел. На окраине стоял, так до него у татар руки не дотянулись.

– Правильно сделал, что Митроху с собой взял. Горьпе помогу. Она с дедом меня у себя принимала. За добро надо платить добром.

Левко вздохнул, проведя рукой по пышным казацким усам, поглядел на Митроху как-то даже весело и спросил:

– Помог, стало быть, амулет?

– Мне дядечка ночью сказал, что беда будет и укрыться надо. Отцу я сказал. Он не послушал меня.

Левко только лишь вздохнул, а потом поинтересовался:

– Что еще тебе отец сказал?

– Он хотел, чтобы я казаком стал.

– А ты этого хочешь?

– А ты меня учить будешь?

Казаки, стоявшие рядом, засмеялись.

– Сметливый парнишка тебе попался, – и себе усмехнулся Семен. – Делать-то, что с ним будешь? Осень наступила. Не за горами зима...

– Подумать надобно, братья. Так сразу и не ответить.

Думал Левко недолго. В одном из казацких лагерей, которых было на Запорожье в теплое время не один десяток, можно было остаться только лишь до середины осени. Потом оставалось два выхода: либо оставаться на Сечи, либо идти на зимовку в Чигирин или в Черкассы, или еще куда-либо в местечки вверх по Днепру. Левко, поразмыслив, решил с Митрохой в Чигирин податься. Была у него там хата, где Левка ждали. Хозяюшка была круглолица и черноброва, которая своего мужчину дожидалась, несмотря на то, что Левко, хоть ему уже и сорок пять лет было, жениться пока не собирался, о чем честно Марише и сказал. Впрочем, Маришу и такие отношения устраивали, когда муж время от времени к ней домой являлся. По другим женщинам Левко не ходил. Занят был. Тренировал Левко казаков, да особые поручения выполнял.

Казаки с Митрохой прискакали в лагерь, где с середины весны они уже налаживали быт и хозяйство, занимаясь привычной работой. Лагерь возле Томаковки располагался в скрытом и укромном месте. Плавни, невысокие деревья со всех сторон окружали сразу за порогами Славуту, который, пронеся воды через грозно стоящие на его пути каменные зубья подводных утесов, растекался после стремнин привольно и широко. Славута как бы давал понять, что после порогов он может позволить себе тихое и раздольное течение, охватить бесчисленными руками проливов, заливов, протоков, рек и речушек огромную местность, образуя на ней запovedные места, полные тайны.

Ормагой или Орман – так называли эту страну еще скифы. А до них киммерийцы и арии. Эти священные для предков места и стали излюбленным местом жителей, которые уходили сюда ранее со всей Руси, а теперь из Речи Посполитой, которая не так давно, объединившись с Великим княжеством Литовским, стала претендовать на эти земли. Вроде бы Запорожье и входило в состав Речи Посполитой, но, как говорили казаки: руки у панов были коротки дотянуться до этих земель так, чтобы здесь полноправно властвовать. Население этих земель называли казаками от имени еще князя Козая, который в здешних местах воевал с хазарами, с другими кочевниками. Здесь же, на Хортице, издавна существовала волховская школа. Волхвы

давно канули в лету, но, по сути дела, казаки-характерники были продолжателями давних традиций.

Точно так же, как и тысячу лет назад, на Хортице и на других островах, которые охватывал своим раздольным течением Славута, росли дубы. Только теперь им не поклонялись, но слушали такие характерники, как Левко, как его учитель – казак Дмитрий Нетяма, которого еще звали Стешком. Каких только прозвищ у характерников не было. Случалось так, что говорили об одном казаке, а называли его разными прозвищами. Если честно, то никто из характерников не хотел, чтобы его настоящее имя стало известно, поскольку известность на Сечи стоила короткой жизни и быстрой смерти...

Конечно, случались исключения, но по большей части характерники жизнь вели уединенную и скрытую, то, чем занимались, передавали только лишь избранным ученикам. И то, чем дальше шло время, тем все больше казацких секретов умирали вместе батками, поскольку, как считали батки просвещенные и умные, у которых тямы (здесь в смысле ума) было столько, сколько звезд на небе, зачем кому-то что-то передавать, если времена становятся, чем дальше бежит время, все более смутными? Ответа на этот вопрос у них не было. Сумерки и тьма, чем дальше в будущее шло время, все больше сгущались, казаки слабели, а знания, передаваемые от характерника к характернику, от учителя к учителю, – все больше затемнялись и извращались. Остановить этот процесс не удавалось, поэтому ученикам передавали все меньше и меньше казацких секретов, чтобы не подставлять их, поскольку обретаемые навыки в любом случае требуют подтверждения в ситуациях.

Если ты, к примеру, учишься рукопашному бою и лекарству, то в любом случае жизнь, в чем можно не сомневаться, сполна предоставит тебе проверки на пригодность. И никто тебе не поможет их пройти. Если не готов, – наградой тебе будет смерть, хорошо, если быстрая. Никто не считал, сколько учеников погибло, но, что точно, выжили единицы. И эти единицы были настоящими мастерами своего дела. Причем делали они его тихо и незаметно, продолжая традиции предков, стараясь по возможности не вступать в конфликты из-за ерунды, не проявляться в ситуациях, где в этом не было необходимости. И что, главное, не метать бисер перед свиньями. Кому не дано понять, тому не надо ничего знать, ибо тот, кто меньше знает – крепче спит...

Так вот, потомки, Левко как раз и был одним из таких характерников, которые тихонечко делали свое дело. Вообще в те времена, а шел 1591 год, на Сечи и вокруг нее было не больше нескольких сотен характерников. Из них несколько десятков были мастерами своего дела, продолжая традиции и пронося через время искусство жить и совершенствоваться в жизни. Называлось это искусство гопак. Го – в переводе хозяин, а пак – движение. Сразу скажу, чтобы стать хозяином движения требовались годы, казалось бы, подготовки, в которой вообще не было ничего необычного. Эта подготовка имела мало что общего с рукопашным боем, но она была необходима. Без нее, что было проверено в поколениях, не станешь воином, не говоря уже о том, чтобы стать мастером.

Искусством боевого гопака владели еще арии. Здесь, на Запорожье, семь тысяч лет назад и раньше был центр арийского присутствия. Орман был священным местом для ариев. На Хортице арийские посвященные слушали слог «Ор» – слог Вечности и Бессмертия Бытия и Существования. Те времена канули в лету, а арийские племена разошлись по свету, образовав на своей базе сотни народов и народностей.

Арии несли знания, являясь потомками элтов, последних свободных жителей Атлантиды, которую уничтожил катаклизм. Перед ним специальные бригады из числа элтов зачистили Землю от напоминаний о предках, зная, что им предстоит, и в какие темные времена они будут жить. И элты, и атланты, кроме магов из их числа, не хотели, чтобы потомки, изучая остатки их культур, соприкасались с ними.

Так вышло, что ничего кроме проблем мы своим далеким предкам дать не можем. Их технологии и достижения для нас – только лишь мечта. В будущем, как я вижу, достижения элтов и атлантов также будут недоступны для потомков. Да и какие достижения могут быть, когда я вижу, обращая взор в будущее, признаки Руины на землях Украины через четыреста лет с небольшим хвостиком?

Во времена, которые я описываю, гопаком занимались десятки тысяч людей. Профессионально этим искусством владели сотни, а из их числа мастерами были десятки. Сейчас, когда я, Василь Галайда, завершаю жизненный путь, а мне исполнилось девяносто три года, на Запорожье единицы тех, кто еще может чему-то путному научить учеников. Идет 1663 год. Время бежит, а казаки все больше теряют в силе, но, главное, в соображении. И такому положению дел есть масса причин. Основная из них та, что свободные люди, знающие, что они делают, к тому же отстаивающие свое право жить так, как они видят и хотят, не нужны. Нужны подневольные существа, рабы, прихвостни, в общем, стадо, которым можно управлять. Нужны люди, которые, не думая за что, пойдут и умрут за чьи-то интересы, полагая, что делают благое дело. На самом деле они лишь играют на руку паразитам, все крепче усаживающимся на их шеи.

Под конец жизни грустно писать эти слова, но правда есть правда. От нее не убежишь. Да и зачем мне на склоне лет кривить душой? Иной раз я, видя будущее, отдаю себе отчет в том, что не хочу видеть то, что произойдет с Украиной и миром, но есть то, что внушает мне надежду. Это дело, которое я с некоторых пор веду. Если бы не оно, я бы ушел, совершив по давнему, еще арийскому обычаю, добровольный уход. На самом деле нет ничего сложного в том, чтобы покинуть физическое тело, отделив оболочки ума, разума, сознания, психики и интеллекта от него. Но что дальше? Пока живешь, можешь очень многое сделать, несмотря на преклонный возраст. И надо знать, куда дальше идти... Знающие, поймут меня, остальные – догадаются о том, на что намекаю.

Что же касается Митрохи, то он остался в одном из казацких лагерей вблизи Томаковки, где в те годы еще существовала Томаковская Сечь. Левко с казаками, несмотря на занятость, направился к Горьпе. Как бы то ни было, а помог Левко перевезти Горьпу в Чигирин вместе с дедом и внучатами. Были у него добрые знакомые, которые их и приютили. А Левко подался в лагерь, где его ожидал Митроха, да с подарками... Теплой одежды у хлопца не было. Осень понемногу вступала в свои права, а за ней уже притаилась зима, поглядывая пристальным взглядом на бескрайние просторы Украины, подумывая, как же их замести снегом, сковать морозами, а реки устлать льдом.

Левко вовремя прибыл. Митроха ожидал его, расспрашивая казаков, когда же Левко появится. А что ответишь малыцу, если казак, как ветер в поле, может налететь и явиться неожиданно, а может и не вернуться?.. Семен на вопросы Митрохи только лишь вздыхал. «Почекай, хлопче. Не журись. Нікуди Левко не подінеться. Прийде, коли схоче, та потрібно буде...». И Митроха ждал, слегка хмурия брови, да покусывая губу.

Левко же, как нарочно, задерживался. Как узнал позже Митроха, договорился казак о том, чтобы их с Левком к себе в дом взяла Мариша. А Мариша, когда казак ей сказал, что придет, да не сам, обрадовалась. Посмотрела на Левка и ответила:

– Вас приму, но на мне – женись. Свои дети будут, а не приемные.

Левко туда-сюда, а деваться некуда. Можно было, конечно, у других знакомых зиму пережить, да только нужна была Митрохе материнская забота, вот Левко и согласился, но условия свои поставил и жесткие. Первое и основное было, что Мариша ему не будет мешать казаковать и делом заниматься, что только лишь поздней осенью, зимой и ранней весной он будет в Чигирине. И согласилась Мариша, хоть и моложе была Левка на двенадцать лет. Жизнь у нее не сложилась. Первого мужа убили. Детей от него не было. Шляхтичи, бывало, к ней заходили... но после того, как Мариша встретила Левка, панство в дом – ни ногой. Хмурила брови

Мариша, руки упирала в боки, слегка покусывала губу и говорила незадачливым кавалерам: «Идите отсюда, пока ухват не взяла».

И ретировались и женатые, и неженатые, до ласого шматочка (вкусного кусочка) в лице Мариши склонные. Слова с делом у Мариши не расходились. Если что, на помощь кликала. В общем, связываться с ней против ее воли никто не хотел. Был, правда, один случай, который свел Маришу и Левка. Помог ей казак, который проездом в Чигирине был, освободиться от шляхетных угодников. Левко «поговорил» с местными шляхтичами, пообещав в случае чего расписать лицо, как писанку, но кулаками. Связываться с характерником, который к тому же не то десятком, не то сотней воинов руководил, не решались даже самые гоноровые шляхтичи. «Дурная» слава ходила, как женщина непрощенная, по следам Левка. То его оборотнем называли, то к нечистой силе причисляли, а казак в ответ только лишь посмеивался. Много сказывали о Левке, да мало правды было в словах...

Своих детей у сечевика не было. Жизнь была посвящена казачеству и казацкой науке. Еще до беседы с Маришей Левко решил, что Митроха будет его сыном, если, конечно, того захочет. Так что, как сказал в беседе Левко Марише: все будет зависеть от Митрохи. Если он захочет меня и тебя принять, – будет дело. Если нет, – все останется по-старому. Мариша, слушая казака, только лишь вздыхала. Уж очень ей замуж хотелось, но хотение – дело глупое и положение дел только лишь ухудшающее, если ты ничего не делаешь для того, чтобы приблизить желаемое для тебя событие. Поэтому Мариша решила казака не неволить, как и Митроху. Она почему-то с самого начала знала, что Митроха не откажется стать сыном Левка.

Митроха с радостью встретил Левка. День, когда сечевик появился в лагере, выдался теплым и солнечным. Накануне холодные ветры поутихли, а небо расчистилось от туч. Солнце, как будто отыгрываясь за то время, пока скрывалось за тучами, активно насыщало землю теплом лучей. Бабье лето входило в свои права. Казаки, тем не менее, собирались на зимовки. Казацкий лагерь понемногу пустел, но Семен и его друзья пока что никуда не собирались уходить.

Смотрел Левко на Митроху, в обществе казаков вышедшего его встретить, и сердце его наполнялось какой-то необычной радостью. Он видел в этом парнишке себя. Перебросившись словами с товарищами, Левко подошел к Митрохе и присел перед ним на корточки так, что его глаза оказались напротив глаз парнишки. Какое-то время казак и Митроха молчали. Левко смотрел чуть мимо глаз хлопца, изучая его.

– Ждал меня? – негромко спросил Левко.

Митроха кивнул и усмехнулся.

– Одежду я тебе привез. Примеряй.

Из сумы казак достал плотную рубаху, штаны и маленькие сапожки. На руке у казака был жупан, размер которого вполне подходил Митрохе. Парня не надо было долго уговаривать. Быстро переодевшись, Митроха явил себя в новом виде. Одежда сидела, как будто была шита по Митрохе.

– Совсем казак, – сделал вывод Левко. – Со мной в Чигирин поедешь? Там перезимуем. Буду тебя казацкой науке учить.

– Поеду. А где мы там жить будем?

– Есть у меня на примете одна хатка, да хозяйшкa чернoбpовa...

– Жена твоя?

– Да, – подумав, после длительной паузы согласился Левко.

– А мою мать татары увезли. Когда ты меня научишь, я им отомщу.

В ответ Левко только лишь вздохнул.

– А когда поедem? – не отставал Митроха.

– Завтра или послезавтра. Посмотрим, что нам небо скажет и ветер, – Левко поднял глаза и посмотрел на небо.

– Тепло вроде будет, – сообщил Митроха и усмехнулся.

«Тепло, аж горячо», – мысленно согласился с ним Левко.

Не прошло и трех дней, как Митроха, Левко и еще несколько казаков отправились в путь. В Чигирин прибыли без приключений. Там на зиму и остались. Мариша приняла Митроху, как родного сына. Ему, конечно, было непривычно, но, окруженный теплом и заботой новых родителей, Митроха зажил, как вареник в сметане. Даже работать его не заставляли. Он сам проявлял инициативу, спрашивал, что ему делать по хозяйству. Мариша всегда работу находила. А Левко начал учить Митроху искусству, как жить надобно...

Вначале Левко научил Митроху, как правильно дышать, а потом – как правильно, видя себя сильным, совершать те или иные движения. У Митрохи не сразу получалось, но парень он был упрямый. Настойчивости ему было не занимать, как и упорства. Упражнения, которые показывал вместе с этим Левко Митрохе, были просты, но в этой простоте и заключалась сложность. Выйдя во двор, не взирая на зимний холод, сын и отец медленно и плавно выполняли движения. Со стороны, глядя на них, можно было подумать, что учитель и ученик совершают некий странный танец, приседая и вытягивая вперед ноги или руки.

– Чувствуй и слушай себя. Сила крепнет в тебе. Нет нигде в мире силы, кроме тебя, – наставлял Митроху Левко. – Всю силу собираем в кулак, – медленно вытягивал руки, собранные в кулаки, перед собой Левко. – Спешить не надо. Тщиться тоже. Делаем все спокойно, ровно и естественно. Сила любит тишину и последовательность. Ее губят спешка и эмоции.

Митроха во всем наследовал Левка. Казак же все делал для того, чтобы Митроха почувствовал и движение, и силу. Левко никуда Митроху не торопил, ни к чему не принуждал, не ставил перед ним целей к такому-то времени чем-то овладеть. Так сын и отец, поскольку Митроха принял Левка, как отца, а Маришу – как мать, и занимались делом, а когда Славута стряхнул со своих плеч ледяные оковы, слегка подсохла земля, а на деревьях из почек уже стали появляться зеленые листочки, потянулись казаки, как перелетные птицы, на Сечь.

Сечь – Матушка, а Великий Луг – Батюшка. Огромные пространства Великого Луга, расположенные между Славутой и речкой Конкой, манили к себе всех здешних жителей. Днепр, привольно разливаясь, создавал вместе с речкой Конкой природную среду, которую сложно описать. Если в двух словах сказать, то плавни, рощицы деревьев и даже плавневые леса вперемешку с протоками, каналами и каналцами, озерами служили местом обитания самых разных животных, и, конечно, бесчисленного количества рыбы в речушках. Весной, когда Днепр разливался, он затапливал огромные пространства до речи Конки. Кое-где оставались лишь островки растительности. Когда же разлив заканчивался, а вода отступала, не было места лучшего для жизни, чем здешнее раздолье, которое так любили казаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.